

ВИКТОР ОСТРОВСКИЙ
КЛЭР ХОЙ

ИСКУССТВО
РАЗВЕДКИ

Бестселлер года № 1 по версии «Нью-Йорк Таймс»

МОССАД: ПУТЁМ ОБМАНА

РАЗОБЛАЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЬСКОГО
РАЗВЕДЧИКА

«Рассказ инсайдера о тактике и подвигах Моссада»

Amazon.com

Искусство разведки

Виктор Островский

**Моссад: путём
обмана. Разоблачения
израильского разведчика**

«Алисторус»

2000

УДК 93/94
ББК 63.3(0)

Островский В.

Моссад: путём обмана. Разоблачения израильского разведчика /
В. Островский — «Алисторус», 2000 — (Искусство разведки)

ISBN 978-5-00222-261-2

Бестселлер № 1 года по версии газеты «Нью-Йорк Таймс», публикацию которого в США пыталось запретить правительство Израиля. Экс-сотрудник Моссад Виктор Островский подробно и честно раскрыл часть тайн этой легендарной спецслужбы. Начиная от методов подготовки и повседневной деятельности «катса» (оперативников) и заканчивая операциями этой разведслужбы. Не только о многочисленных «ликвидациях» противников Израиля по всему миру, но и, например, подробности работы израильской разведки на территории своего стратегического союзника – США. Хотя с момента публикации книги в США прошло больше 30 лет, но все рассказанное в ней актуально и в наши дни.

УДК 93/94
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-00222-261-2

© Островский В., 2000
© Алисторус, 2000

Содержание

Предисловие	8
Пролог	12
Часть первая	29
Глава 1	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Островский В., Хой К. Моссад: путём обмана. Разоблачения израильского разведчика

© Островский В., 2024

© Хой К., 2024

© Крюков В., пер. с немецкого 2024

© ООО «Издательство Родина», 2024

* * *

ВИКТОР ОСТРОВСКИЙ
КЛЭР ХОЙ

МОССАД: ПУТЁМ ОБМАНА

РАЗОБЛАЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЬСКОГО
РАЗВЕДЧИКА

Москва
издательство
РОДИНА
2024

*Посвящаю всем, кто добровольно пожертвовал своею жизнью,
хотя ее следовало бы беречь.*

Виктор Островский

Лидии – моему самому личному и тайному источнику вдохновения.
Клэр Хой

Предисловие

Разоблачить факты, ставшие мне известными благодаря моему выгодному служебному положению за время четырехлетней работы в Моссад, было для меня отнюдь не легким делом.

В моей строго сионистской семье мне с детства внушили, что израильское государство не способно на позорные поступки. Что мы, как Давид, ведем не прекращающуюся борьбу со все время усиливающимся Голиафом. Что кроме нас самих нет никого в мире, кто защитил бы нас – чувство, усиливающееся нашими соотечественниками, пережившими холокост.

Нам, новому поколению израильтян, возродившейся нации, которая вернулась на родную землю после двух тысячелетий изгнания, была доверена судьба всего народа.

Командиров в нашей армии называли «чемпионами», а не генералами. Наши вожди были капитанами у руля большого корабля.

Я чувствовал себя действительно избранным, получив привилегию войти в элиту, как я рассматривал Моссад.

Но извращенные идеалы и эгоистичный прагматизм, замеченные мною в Моссад, в переплетении с жадностью, наглостью и полным отсутствием уважения к человеческой жизни побудили меня рассказать эту историю.

Из любви к свободному и справедливому Израилю я бросил на чашу весов свою жизнь и выступаю сейчас против тех, кто ответственен за превращение сионистской мечты в нынешний кошмар.

Моссад, которому, как секретной службе, было доверено помогать руководителям государства в определении курса страны, злоупотребил этим доверием. Он действует из соображений собственной выгоды, руководствуясь эгоистическими интересами, и именно он направил нацию на курс, ведущий к войне.

Я больше не могу молчать. Я также не могу ставить на карту правдивость этой книги, пряча реальные события за вымышленными именами. (Хотя я и обозначил фамилии некоторых активных «катса» инициалами, чтобы защитить их жизнь).

Теперь жребий брошен.

Виктор Островский, июль 1990 г.

За более чем 25 лет моей журналистской деятельности я научился никогда не говорить «нет» никому, кто предложил бы свою историю, как бы неправдоподобно не звучало бы это предложение. История Виктора Островского с самого начала звучала куда опаснее, чем все, что я слышал до нее.

Как и многие другие журналисты, я слышал уже много историй разных людей, умоляющими голосами объясняющих, почему их историю замалчивают из-за зловредных происков межгалактических заговорщиков. С другой стороны, все журналисты хотя бы раз ощущали то приподнятое настроение, когда предложенная история становится бестселлером.

Однажды в апреле 1988 г. я после обеда сидел на моем обычном месте в ложе для прессы канадского парламента в Оттаве, когда мне вдруг позвонил Виктор Островский и сообщил, что может рассказать о международных событиях, которые меня интересуют. Я тогда только что опубликовал вызвавший большие споры бестселлер «Друзья на высоких постах», рассказывавший о трудностях тогдашнего премьер-министра Канады и его правительства. Виктор сказал, что высоко ценит мой подход к проблемам, вызывающим общественный интерес, и именно потому он решился предложить мне свою историю. Он не вдавался в детали, а предложил встречу в близлежащем кафе, где мне нужно было послушать его всего 15 минут. После трех-

часовой беседы Виктор все еще притягивал к себе все мое внимание. У него на самом деле была интересная история.

Моей первой проблемой было выяснить, действительно ли он тот, за кого себя выдает. Частное исследование через разных людей, затем его готовность назвать фамилии и его открытость быстро помогли мне установить, что он действительно бывший «катса» Моссад.

Многие люди будут недовольны тем, что прочитают в этой книге. Это волнующая история – не хроника возвышенных деяний, свойственных природе человека. Многие увидят в Викторе предателя Израиля. Пусть будет так. Но я вижу в нем человека, глубоко убежденного в том, что Моссад – хорошая организация, ставшая злом, вижу человека, чей идеализм разбился под ударами реальности, человека, верящего в то, что Моссад – как и любая другая правительственная организация – должен публично отвечать за свои дела. Даже ЦРУ должно отчитываться перед избранной комиссией Конгресса. А Моссад – нет.

1 сентября 1951 года тогдашний премьер-министр Израиля Бен-Гурион издал директиву, согласно которой Моссад является независимой от министерства иностранных дел разведывательной организацией. До сегодняшнего дня, хотя каждый знает, что он существует – политики иногда даже хвастаются его успехами, Моссад во всех отношениях остается тайной организацией. Например, о нем ничего не говорится в израильском госбюджете. И имя его руководителя не публикуется, пока тот не уходит в отставку.

Оценки этой книги определяются убежденностью Виктора Островского в том, что Моссад вышел из-под контроля, что даже премьер-министр, который должен его контролировать, не получает правдивых сведений об операциях. Больше того – премьером манипулируют, чтобы он одобрял действия, которые проводятся в интересах верхушки Моссад, но не в интересах израильского государства.

Разведывательная деятельность по своей природе требует секретности, но в демократических странах некоторые области этой деятельности открыты для народа. В США, например, директор ЦРУ и его заместители вначале назначаются президентом, затем должны представляться избранному Сенатом комитету по разведке и, наконец, утверждаться большинством Сената.

28 февраля 1989 г. в здании Харта в Вашингтоне, где заседает сенатский комитет по разведке, под председательством Дэвида Л. Боурена этот комитет слушал ветерана ЦРУ Ричарда Дж. Керра, выдвинутого на должность заместителя директора ЦРУ. Еще до этих слушаний, Керру пришлось заполнить 45-страничную анкету, где были вопросы об его образовании и профессиональной карьере, но также и об его финансовом положении, земельных участках, о зарплате за последние пять лет, ипотечных долгах, об организациях, членом которых он был и об его общих взглядах на государство и на разведку.

При открытии слушаний сенатор Боурен заметил, что комитету предоставляется редкая возможность, провести открытую проверку. «Хотя и другие страны предусматривают своими законами контроль над действиями их специальных служб, всеохватывающая процедура в нашей стране действительно уникальна».

Помимо прочих заданий комитет ежеквартально проверяет все программы тайных операций, утвержденных президентом, и устраивает особые слушания, если президент приказывает провести новую тайную операцию.

«У нас нет власти, чтобы предотвратить предложенную тайную операцию путем вето, но в прошлом президенты всегда прислушивались к нашим советам и изменяли или даже останавливали определенные операции, которые, по мнению комитета, были плохо спланированы или были слишком рискованны для интересов безопасности Соединенных Штатов», сказал сенатор Боурен.

В Израиле же сам премьер-министр, официально ответственный за дела разведок, часто ничего не узнает об операциях до их завершения. А общественность вообще ничего о них

не знает. О проверке же деятельности Моссад и его персонала каким-либо комитетом вообще не идет и речь.

Значение политического контроля над разведкой подчеркнул сэр Уильям Стивенсон в предисловии к книге «Человек по прозвищу «Неустрасимый». Он писал, что разведка необходима демократическому государству, чтобы избежать возможности полного разрушения своей страны.

«Во все более различающемся арсенале во всем мире разведка является очень важным оружием, возможно, даже самым важным» – пишет Стивенсон. «Но оно, именно из-за своей секретности, и самое опасное. Должны быть проведены мероприятия, чтобы предотвратить злоупотребления. И эти мероприятия должны быть проверены и строго соблюдаться. Но, как и во всех других предприятиях, определяющим остается характер и ум ответственных людей. На надежности контролирующего ведомства основывается надежда свободных людей на жизнь в мире и безопасности».

Другой оправданный вопрос, связанный с историей Виктора – как мог такой мелкий функционер Моссад узнать так много? Но ответ удивительно прост.

Прежде всего, Моссад – маленькая организация.

В книге «Игры разведки» англичанин Найджел Вест (псевдоним члена парламента от Консервативной партии Руперта Оллейсона) пишет, что в штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли, штат Вирджиния («путь к которому даже указывают дорожные щиты на Джордж-Вашингтон-Парквей на окраине Вашингтона, округ Колумбия») работают 25 тысяч человек, «большая часть которых и не старается скрывать в тайне характер своей работы».

А в Моссад работают всего 1200 человек, включая секретарш и уборщиц, всем из которых внушено, что на вопрос об их работе следует отвечать, что они-де работают в министерстве обороны.

Вест также пишет, что «по данным советских перебежчиков в Первом Главном управлении КГБ во всем мире служат примерно 15 тысяч офицеров, из которых 3000 в Теплом Стане, на юго-западной окраине Москвы, сразу за Московской кольцевой автодорогой». Так было в пятидесятых годах. В начале девяностых общее число сотрудников КГБ составляло во всем мире около 250 тысяч. Даже кубинская разведка ДГИ только в дипломатических миссиях Кубы по всему миру разместила 2000 своих разведчиков.

Моссад использует – невероятно, но факт! – лишь 30–35 «катса», т. е. оперативных офицеров – «групповодов», вступающих в игру во всем мире в любое время. Основная причина такого малого количества разведчиков состоит в том – и Вы прочтете об этом в книге – что Израиль, в отличие от других стран, всегда может опираться на значительный и лояльный потенциал поддержки в еврейских общинах по всему миру. Это происходит через уникальную систему «сайаним», добровольных еврейских помощников.

Виктор вел дневник о своих действиях и о том, что рассказывали ему другие. Он не особенно силен в орфографии, зато у него фотографическая память на таблицы, планы и другую визуальную информацию, а такая способность очень важна для разведопераций. А так как Моссад маленькая и тесная организация, то он быстро получил доступ к секретным компьютерным файлам и к устным отчетам, что совершенно исключено для новичка в таких больших структурах, как КГБ или ЦРУ. Даже будучи курсантом, он и его товарищи уже могли пользоваться центральным компьютером Моссад, проводя бесчисленные часы за изучением малейших деталей десятков актуальных операций Моссад – так новые рекруты учились, как готовятся и проводятся операции, чтобы избежать ошибок.

Кроме того, уникальное исторически обусловленное совместное пребывание в еврейской общине, убеждение, что, несмотря на политические разногласия, все должны держаться вместе, чтобы защититься от врагов, привело к определенной открытости между коллегами, что

невозможно представить, к примеру, в ЦРУ или КГБ. Когда находишься среди своих, можно все обсуждать – детально и открыто.

Я, конечно, должен поблагодарить Виктора за предоставленную мне возможность вынести на суд общественности эту удивительную историю. Я благодарен также моей жене Лидии за ее поддержку проекта, прежде всего потому, что особенность истории даже после завершения рукописи принесла нам больше стрессов, чем вся моя нормальная работа политического журналиста.

Парламентская библиотека в Оттаве была во время моей работы так же рада мне помочь, как и всегда.

Клэр Хой, июль 1990 г.

Пролог

Операция «Сфинкс»

Простительно, что Бутрус Ибн Халим заметил эту женщину. В конце концов, она была блондинкой с эротическим флером, в обтягивающих брюках и туго застегнутой блузке, открывающей ровно столько, сколько нужно мужчине, чтобы почувствовать желание увидеть больше.

Уже неделю она ежедневно появлялась на автобусной остановке в Вильжюиф на южной окраине Парижа. Там останавливались только два автобуса – местный и идущий в центр Парижа, пассажиров было мало, и не заметить ее было просто невозможно. Так и было задумано, хотя Халим об этом не знал.

Был август 1978 года. Привычки женщины казались столь же регулярными, как и его собственные. Каждый раз, когда Халим садился в автобус, она была тут. Чуть позже приезжал на красном двухместном «Феррари» светлокожий голубоглазый хорошо одетый мужчина, забирая блондинку и уносился, бог знает куда.

Халим, иракец, чья жена Замира уже не смогла вынести ни его самого, ни их скучную жизнь в Париже, всю дорогу до работы думал об этой женщине. Времени у него было достаточно. Халим не любил разговаривать с кем-то по дороге. Иракская служба безопасности инструктировала его ездить до работы окольными путями и часто их менять. Единственными четко установленными пунктами были автобусная остановка в Вильжюиф близ его квартиры и станция метро «Вокзал Сен-Лазар». Там Халим садился на поезд в Сарсель, местечко севернее Парижа, где он работал над совершенно секретным проектом – созданием ядерного реактора для Ирака.

Однажды второй автобус приехал раньше «Феррари». Сначала женщина поискала взглядом автомобиль, затем, пожав плечами, села в автобус. Автобус Халима задержался из-за небольшой «аварии» двумя кварталами раньше, когда его подрезал маленький «Пежо», выехавший с парковки.

Мгновением спустя подъехал «Феррари». Водитель огляделся в поисках девушки, а когда Халим заметил это, то крикнул водителю по-французски, что она села в автобус. Человек удивленно ответил что-то на английском, поэтому Халим повторил все уже на английском языке.

Мужчина поблагодарил и спросил Халима, куда его подвезти. Халим назвал ему станцию метро «Мадлен», откуда пешком можно было быстро дойти до «Сен-Лазар», и водитель, Ран С., который представился Халиму как англичанин Джек Донован, сказал, что им по пути и предложил поехать с ним. Почему бы и нет, подумал Халим, прыгнул в машину и откинулся на спинку сиденья.

Рыбка заглотнула крючок. И, по воле случая, это оказалось удачным уловом для Моссад.

Операция «Сфинкс» завершилась сенсационным авианалетом 7 июня 1981 года, когда израильские истребители-бомбардировщики американского производства в ходе смелой операции уничтожили иракский атомный реактор «Таммуз-17» (или «Озирак») близ Тувейты на окраине Багдада. Но это случилось лишь после того, как Моссад своими многолетними международными интригами, дипломатическими ходами, саботажем и убийствами затянул строительство атомной установки, но ему так и не удалось совсем остановить ее создание.

Страх израильтян перед этим проектом был велик с того момента, как Франция после энергетического кризиса 1973 года подписала соглашение с Ираком, вторым по значению поставщиком ей нефти, о поставке Ираку атомного исследовательского центра. Нефтяной кризис вызвал большой интерес к атомной энергии как альтернативному источнику, и страны, располагавшие такой техникой, значительно улучшили свои международные продажи. Франция тогда хотела продать Ираку реактор на 700 мегаватт для производства электроэнергии.

Самолёт F-16А бортовой номер 243, пилотирувавшийся в атаке на иракский центр Иланом Рамоном, ставшим впоследствии первым израильским космонавтом. На носу самолёта видна треугольная эмблема атаки на иракский реактор

Ирак регулярно утверждал, что его атомный исследовательский центр служит исключительно мирным целям, в основном – электроснабжению Багдада. Израиль с большим основанием опасался, что реактор мог бы быть использован и для производства атомной бомбы, которую можно использовать против Израиля.

Французы гарантировали поставку для двух реакторов своего обогащенного на 93 % урана из военного обогатительного завода в Пьерлянте. Франция была готова поставить четыре партии ядерного горючего Ираку – всего 150 фунтов обогащенного урана – достаточно для атомных бомб. В то время американский президент Джими Картер сделал нераспространение ядерного оружия краеугольным камнем своей внешней политики, и американские дипломаты потребовали и от французов и от иракцев изменить свои планы.

Даже сами французы не очень доверяли иракским мирным намерениям, особенно после того, как Ирак отверг их предложение поставлять вместо обогащенного урана менее опасный материал «карамель», вполне пригодный для производства тока, но не для атомных бомб.

Ирак не сдавался. Соглашение есть соглашение. На пресс-конференции в Багдаде в июле 1980 г. иракский диктатор Саддам Хуссейн насмеялся над израильскими подозрениями, сказав, что много лет сионистские круги в Европе высмеивали арабов как нецивилизованный и отсталый народ, который только и может, что скакать на верблюдах по пустыне. Сегодня же вдруг оказалось, как, не моргнув глазом, те же круги утверждают, что Ирак собирается производить атомные бомбы.

Тот факт, что Ирак в конце 70-х годов действительно приблизился к этой возможности, дал повод израильской военной разведке АМАН обратиться к Цви Замиру¹, шефу Моссад, высокому, худому, лысеющему бывшему генералу с меморандумом с «черной маркировкой», что означало высшую степень секретности. АМАН хотел получить точные сведения «изнутри» о состоянии иракского атомного проекта. Потому Давид Биран, шеф «Цомет» – вербовочного отдела Моссад, был вызван к Замиру. Биран, круглолицый толстяк и денди встретился после

¹ В реальности Цви Замир возглавлял Моссад с 1968–1974 год – прим. ред.

этого со своими начальниками отделов и поручил им найти иракца, занимавшегося проектом непосредственно в Сарселе, где производился французский реактор для Ирака.

Цви Замир – директор Моссад

Тщательное двухдневное изучение списков персонала не дало результатов, поэтому Биран позвонил резиденту в Париже Дану Арбелю, блондину и полиглоту, карьерному офицеру Моссад и дал ему необходимые инструкции. Как и все подобные отделения, резидентура в Париже находится в хорошо защищенном подвале израильского посольства. Арбель как резидент по своему положению находится даже выше посла. Персонал Моссад контролирует диппочту и всю входящую и исходящую корреспонденцию. Он заботится также о конспиративных квартирах («safe houses»), которые называют также оперативными апартаментами, только лондонская резидентура, например, располагает более чем сотней таких квартир и еще пятьдесят снимаются дополнительно.

В Париже также есть определенное число «сайанов», еврейских добровольных помощников Моссад из всех слоев общества, и один из них, под псевдонимом Жак Марсель, работал в отделе кадров атомного центра в Сарселе. Если бы проблема не стояла так остро, к нему бы не обращались за нужным документом. Обычно он передавал сведения в устной форме или копировал документы. Взять с собой оригинал документа всегда означает риск быть пойманным и подвергнуть «сайана» опасности. Но в этом случае было решено, что нужно

получить именно сам документ, ведь арабские имена подчас вызывают путаницу. (Арабы часто пользуются разными именами в разных ситуациях). Чтобы быть уверенным, Марселя попросили достать список всех работающих в центре иракцев.

Так как Марселю все равно в ближайшую неделю нужно было ехать в Париж на конференцию, его проинструктировали взять с собой в багажник машины наряду с обычными документами для конференции еще и список персонала. Ночью до этого с Марселем встретился «катса» Моссад – оперативный офицер – и получил от него дубликат ключа от багажника. Марсель должен был в определенное время проехать переулком близ Военной академии. Там он увидит красный «Пежо» с особой наклейкой на заднем стекле. Машину арендуют специально и поставят перед кафе, чтобы получить там надежное место парковки, что не так-то легко в Париже. Марсель должен был проехать еще квартал, а затем вернуться. К этому моменту «Пежо» уехал, оставив Марселю свободное место для стоянки. Потом Марсель должен был просто пойти на конференцию, оставив список персонала в багажнике.

Так как служащие в отраслях промышленности, связанных с национальной безопасностью, часто подвергаются негласному наблюдению, за Марселем по дороге на «рандеву» следила «наружка» Моссад. Когда двое людей Моссад убедились, что слежки за Марселем нет, они извлекли список персонала из багажника и пошли в кафе. Пока один делал заказ, другой пошел в туалет. Там он вынул фотоаппарат с четырьмя тонкими телескопическими алюминиевыми ножками, называемыми «когтями». Это приспособление экономит время, потому что фотоаппарат уже правильно настроен и может использовать специально разработанные фотоотделом Моссад пленки для мгновенной съемки – 500 кадров в катушке. Когда фотокамера установлена, фотограф просто быстро протягивает документы под линзой, управляя затвором с помощью резинки, зажатой в его зубах. Когда таким образом были сфотографированы 3 страницы, шпионы вернули список в багажник Марселя и исчезли.

Имена были срочно компьютерной связью переданы в Тель-Авив с использованием обычной двойной системы кодирования. Каждому слогу соответствует число. Например, имя «Абдул» шифруется так: «Аб» заменяется цифрой «семь». А «дул» – цифрой «двадцать один». Чтобы еще усложнить дешифровку, каждое число поучает и код – букву или другое число – и это «карманное» кодирование меняется каждую неделю. Но и тогда каждое послание содержит лишь половину истории: в одном послании стоит код для числа, соответствующего «Аб», а в другом – код для числа, заменяющего слог «дул». Даже если послание перехватят, оно непонятно для того, кто его расшифрует. Этим путем весь список персонала был отправлен в центр Моссад двумя электронными посланиями.

Когда имена и должности в списке были расшифрованы в Тель-Авиве, их переслали в исследовательский центр Моссад и в военную разведку АМАН. Но так как иракский персонал в Сарселе состоял из ученых, в досье Моссад о них было сказано очень мало.

Ответ шефа «Цовет» был таков: «использовать самый подходящий путь», т. е. избрать самую легкую цель. И быстро. Так вышли на Бутруса Ибн Халима. Это оказалось большой удачей, но в тот момент его выбрали из-за того, что он был единственным ученым из Ирака, у которого в списке был указан домашний адрес. Это означало либо то, что другие больше внимания уделяли своей безопасности или проживали в военном городке близ атомного центра. Кроме того, Халим был женат – только половина иракцев были женаты – и у него не было детей. Для 42-летнего иракца необычно не иметь детей – признак ненормальной, несчастливой семьи.

Итак, уже был намечен объект, теперь нужно было подумать об его вербовке, тем более что указание из Тель-Авива гласило, что задание должно было проведено как «айн эфес», что на иврите означало – «ошибка недопустима». Для выполнения задания требовались две команды.

Первая – «Йарид», бюро, ответственное за безопасность в Европе, должна была изучить привычки Халима и его жены Замиры и определить, не следят ли за ними иракские или французские службы безопасности. Затем через маклера-сайана нужно было снять квартиру близ жилища Халима. («Сайан» был парижским маклером и мог подобрать апартаменты в нужном районе, не вызывая вопросов.)

Вторая команда – «Невиот», отвечала за необходимые проникновения в жилище, чтобы установить там подслушивающие устройства – «дерево – «жучок», устанавливаемый в столе или в плинтусе, или «стекло» – «жучок» в телефоне.

Группа «Йарид» в управлении безопасности Моссад состоит из трех команд по 7–9 человек, из которых две работают за границей и одна в Израиле. Если одну из команд вызывают на операцию, обычно начинаются раздоры, поскольку каждая из команд рассматривает свою работу как самую важную.

Управление «Невиот» тоже состоит из трех команд экспертов, обученных получению информации от «неживых» объектов: это включает взлом и фотографирование документов, незаметное проникновение и бесследное исчезновение из помещений для монтажа подслушивающих устройств. В их оснащение входят дубликаты ключей всех больших отелей в Европе, причем разрабатываются все новые методы для открытия дверей, оснащенных кодированными карточками, кодовыми замками и т. п. Некоторые гостиницы, например, оснащены замками, реагирующими на отпечаток пальца постояльца.

После установки «жучков» в квартире Халима подслушиванием и записью занялся отдел «прослушки» под названием «Шиклут». Пленка с записями первого дня была отослана в Тель-Авив, где был определен диалект, и в Париж срочно направили специалиста по подслушиванию, очень хорошо понимавшего этот диалект. Такого «слухача» называют «маратс». Он должен был продолжать электронное прослушивание и мгновенно передавать результаты парижской резидентуре.

В этот момент проведения операции у Моссад были лишь имя и адрес. Не было даже фотографии иракца, не говоря уже о гарантии того, что он может оказаться полезным. Команда «Йарид» начала с наблюдения за его квартирой с улицы, чтобы узнать, как выглядят Халим и его супруга.

Первый настоящий контакт состоялся двумя днями позже, когда в дверь Халима позвонила молодая красивая женщина с короткой стрижкой и представилась как Жаклин. Это была Дина, сотрудница «Йарид», задачей ее было просто подробно рассмотреть жену Халима и идентифицировать ее для «наружки». Дина выдала себя за продавщицу парфюмерии и имела при себе большой ассортимент духов. С «дипломатом» и бланком заказа она ходила от двери к двери по трехэтажному дому и предлагала свой товар, чтобы не вызвать подозрений. Она так подобрала момент, чтобы позвонить в дверь Халима именно тогда, когда его самого дома не было.

Замира, как и большинство женщин в доме, была в восторге от предлагаемых духов. Неудивительно, ведь цены были намного ниже, чем в магазине. Клиенты должны были оплатить половину стоимости при заказе, а вторую половину – при получении – с обещанием «бесплатного подарка», как только заказ будет исполнен.

Замира даже попросила Жаклин войти в дом и излила ей душу, объяснив, как она несчастна, что у ее мужа нет никакого честолюбия, что она из очень богатой семьи и ей очень жаль тратить на свою жизнь собственные деньги. Самое главное, что она сказала – через две недели она уедет в Ирак, где ее матери предстоит сложная операция. В Моссад посчитали, что к ее мужу еще легче будет подступиться, когда он останется один.

Жаклин, выдавая себя за студентку из хорошей семьи с юга Франции, продающую духи чтобы подработать карманных денег, проявила большое понимание забот Замиры. Так как ее задание состояло лишь в идентификации женщины, ее успех превзошел все ожида-

ния. При наружном наблюдении каждую мелкую деталь после каждого шага нужно сообщать команде в конспиративной квартире для анализа и планирования следующего шага. Это означает обычно многочасовые опросы, повторяющуюся проверку каждой детали, в ходе чего частенько кипят страсти, если значение одного единственного действия или фразы многократно обсуждается с разных точек зрения. Члены команды курят одну сигарету за другой, непрерывно пьют кофе, и чем дольше это все длится, тем сильнее накаляется атмосфера.

В этом случае все были согласны, что Дина (Жаклин), вызвав очевидную симпатию у Замиры, может существенно ускорить процесс. Ее следующим заданием было дважды выманить женщину из квартиры. Однажды для того, чтобы команда определила лучшее место для установки «жучков», и второй раз – для самой этой установки. Это означало, что в квартире нужно было сделать фотографии, провести измерения и взять пробы краски, что изготовить абсолютно точную копию предмета, который, с «жучком» внутри, должен быть незаметно оставлен в комнате. Как во всем прочем, что предпринимает Моссад, основное внимание уделялось избежанию малейшего риска.

При первом посещении Замира пожаловалась на то, что у нее нет хорошего парикмахера, который смог бы несколько изменить ее цвет волос. Когда два дня спустя Жаклин вернулась с товаром (в этот раз специально незадолго до момента возвращения Халима с работы – чтобы идентифицировать и его), то рассказала Замире об ее модном парикмахере с левого берега Сены.

«Я рассказала Андре о вас, и он ответил, что охотно сделал бы что-то с вашими волосами», – сказала Жаклин. «Нужно только пара сеансов. Я с удовольствием возьму вас с собой».

Замира мгновенно ухватила за предложение. Ни у нее, ни у ее мужа не было настоящих друзей по соседству и почти никаких других знакомств, так что возможность избавиться от скуки постоянного сиденья дома и провести несколько вечеров в городе была для нее очень приятной.

Особым подарком для Замиры за покупку духов был модный брелок с колечками для каждого ключа. Жаклин объяснила: «Вот, дайте мне ваш ключ, и я покажу, как этот брелок действует».

При передаче ключа Замира не заметила молниеносное движение, которым Жаклин воткнула ключ в маленькую пятисантиметровую коробочку с крышечкой, которая, обмотанная бумагой, была похожа на какой-то другой подарок. Коробочка была заполнена пластиковой массой, посыпанной тальком, которая не прилипала к ключу. Стоит положить на мгновение ключ в коробочку и закрыть ее, как получится прекрасный слепок, подходящий для изготовления дубликата.

Команда «Невиот» могла бы попасть в квартиру и без ключа, но зачем рисковать возможным разоблачением, если можно войти через дверь, как к себе домой? Стоит им попасть вовнутрь, они все равно обязательно закрыли бы дверь – на всякий случай и даже подперли бы ее палкой. Поэтому любой, кто, пройдя мимо поста у дома, попытался бы открыть дверь, решил бы, что замок сломан и пошел бы искать помощь. Тогда у взломщиков хватило бы времени, чтобы незаметно исчезнуть.

После идентификации Халима. «Йарид» применил метод «неподвижного преследования» – тактику определения ежедневного распорядка человека без малейшего риска. Это наблюдение «по участкам», без хождения по пятам. Вблизи стоит человек из «наружки» и следит, куда идет объект наблюдения. Через несколько дней на следующей по маршруту улице стоит другой агент и так далее. В случае с Халимом это было тем более просто, что он каждый день шел на одну и ту же автобусную остановку.

С помощью «прослушки» Моссад точно узнал, когда Замира улетит домой в Ирак. Услышали и то, как Халим сказал, что ей для контроля безопасности нужно будет сначала зайти в иракское посольство. Так Моссад был предупрежден и начал действовать еще осторожней.

Но все еще никак не могли решить, каким образом можно завербовать Халима. Из-за срочности дела не было времени установить, готов ли Халим к сотрудничеству или нет.

Использование «отера» – агента-араба, используемого для контакта с другими арабами, было сочтено службой внешней контрразведки слишком рискованным. А получиться должно было в любом случае, ошибки исключались. Возникшая было в начале операции надежда на то, что Дина-Жаклин выйдет на Халима через его жену, не оправдалась. После второй встречи в парикмахерской Замира не захотела больше видеть Жаклин. «Я видела, как ты смотрел на девушку», – сказала она Халиму во время их очередной ссоры. «Пусть тебе не взбредут в голову какие-то глупые идеи, лишь только я уеду. Я тебя знаю».

Так возникла идея с девочкой на остановке и с «катса» Раном С. в образе приметного богатого англичанина Джека Донована. Взятый напрокат автомобиль «Феррари» и кажущееся богатство Донована сделают все остальное.

При первой поездке в «Феррари» Халим ни слова не промолвил о своей работе. Он утверждал, что студент, хотя уже не молодой, подумал Ран. Халим также упомянул, что его жена уехала, и он с удовольствием хорошо пообедал бы, но как мусульманин не может пить вино.

Донован не сказал ничего определенного о своей работе, чтобы сохранить максимальную гибкость, он только заметил, что занимается международной коммерцией. Он предложил Халиму посетить его виллу в деревне или пообедать с ним, пока жена в отъезде. Но Халим так ничего определенного и не сказал.

Следующим утром блондинка снова была на месте и села в машину Донована. Через день приехал Донован, но девушки не было, и он снова предложил Халиму подвезти его в город. Еще он пригласил Халима выпить с ним чашечку кофе. О своей красивой спутнице Донован сказал так: «О, она просто маленькая шлюшка, которую я подцепил. Она начала предъявлять большие претензии, и я ее прогнал. В какой-то степени, жаль – она была хороша – вы понимаете, в каком смысле. Но с этим здесь нет дефицита, старина». Халим ничего не рассказал Замире о своем новом друге. Он хотел оставить это для себя.

Когда Замира улетела в Ирак, Донован регулярно подвозил Халима в город и вел себя с ним все более открыто. Он рассказал, что на десять дней должен по делам улететь в Голландию. Он дал Халиму свою визитку – конечно, фальшивую, но с настоящим офисом и секретаршей, на тот случай, если бы Халим захотел бы прийти туда – в хорошем обновленном здании возле Триумфальной Арки.

В это время Ран (Донован) жил на конспиративной квартире, где он после каждой встречи с Халимом встречался с главой парижской резидентуры для планирования следующих шагов, написания отчетов, слушания пленок с записями и проигрывания всех возможных сценариев.

Ран каждый раз ехал другой дорогой, чтобы определить, нет ли за ним «хвоста». В конспиративной квартире он менял свои документы и оставлял британский паспорт. Каждый раз ему нужно было писать два отчета. Один – информационный отчет, включал специфические детали обо всем, что обсуждалось при встрече.

Второй – оперативный отчет, отвечал на пять главных вопросов: кто, что, когда, где и почему. Он включал все-все, что происходило при встрече. Этот второй отчет упаковывался в особый конверт и передавался «боделю» – курьеру, который доставлял сообщения из конспиративных квартир в посольскую резидентуру и наоборот.

Оперативный и информационный отчеты раздельно передавались в Израиль, либо компьютерной связью, либо диппочтой. Оперативный отчет, к тому же делился на части, чтобы затруднить дешифровку. В первой части могло, например, стоять: «Я встретился с данным лицом в (см. вторую часть). «А во второй части называлось место встречи.

У каждого лица два агентурных псевдонима, один информационный и один оперативный. Это лицо, конечно же, этих псевдонимов не знает.

Моссад всегда уделяет особое внимание безопасности связи. Так как он знает, что может сделать сам, то исходит из предпосылки, что и другие страны могут то же самое.

После отъезда Замиры Халим изменил своим привычкам. После работы он оставался в городе, чтобы поехать в ресторане или сходить в кино. Однажды он позвонил своему другу Доновану и оставил для него сообщение. Через три дня Донован сам позвонил ему. Халим хотел прогуляться. Донован привез его в дорогое кабаре на ужин и на шоу. Причем Донован настаивал на том, что сам за все заплатит.

В этот раз Халим выпил и весь вечер говорил с Донованом о сделке, которую последний проворачивал – продать старые транспортные контейнеры в Африку, чтобы люди там могли в них жить.

– Африканцы во многих районах очень бедны. Они просто прорезают в контейнерах дыры вместо окон и дверей и живут в них, – сказал Донован. – Я могу получить партию в Тулоне, почти даром. Я поеду туда в этот уик-энд. Почему бы тебе не поехать со мной?

– Да я только буду тебе мешать, – заметил Халим. – И в бизнесе я ничего не понимаю».

– Чепуха. Дорога туда и обратно долгая, мне хотелось бы ехать с попутчиком. Мы остаемся там на ночь, а в воскресенье вернемся. Ну, чтобы ты делал на выходные?»

План чуть было не сорвался, потому что «сайан» на месте испугался. Его заменил «катса» в роли коммерсанта, продающего Доновану контейнеры.

Пока оба договаривались о цене, Халим заметил, что один из контейнеров, поднимаемых краном, проржавел снизу (как и все остальные – и расчет был как раз на то, что Халим это увидит). Он отвел Донована в сторону и сказал ему об этом, вследствие чего Донован получил еще дополнительную скидку на 1200 контейнеров.

Вечером за ужином Донован дал Халиму тысячу долларов наличными. – Дружище, возьми их, – сказал он. – Я благодаря тебе сэкономил намного больше, потому что ты заметил коррозию. Хотя, в конце концов, совершенно все равно, ржавые эти штуковины или нет, но осел, который их продавал, не мог об этом знать.

Впервые Халим заподозрил, что с его новым другом можно не только приятно проводить время, но и подзаработать. Для Моссад, который прекрасно знает, что за деньги, секс или психологическую мотивацию (по отдельности или вместе) можно купить почти все, это означало, что человек действительно «попался». Пришло время перейти с Халимом к настоящей сделке, или, по-еврейски, «тахлес».

Когда подтвердилось, что Халим полностью доверяет Доновану, тот пригласил иракца в свой роскошный номер «люкс» в отеле «Софитель-Бурбон» на улице Сен-Доминик, 32. Он пригласил еще и Мари-Клод Магаль, молодую проститутку. Заказав ужин, Донован сказал своему гостю, что должен срочно уйти по делам и оставил на столе поддельный телекс, который Халим мог прочесть в качестве доказательства.

– Послушай-ка, мне действительно очень жаль, – сказал он. – Но вы можете спокойно наслаждаться, а потом я позвоню.

И Халим вполне наслаждался со шлюхой. Этот эпизод засняли на пленку, не обязательно в целях шантажа, а просто, чтобы видеть, что происходило, что говорил и делал Халим. Израильский психиатр уже изучал все детали отчетов о Халиме, чтобы определить, как эффективнее всего завербовать иракца. В операцию был вовлечен и израильский физик-атомщик, на случай, если его знания понадобятся. Они понадобились – и достаточно скоро. Через два дня Донован вернулся и позвонил Халиму. За кофе Халим заметил, что его друг чем-то озабочен.

– У меня есть шанс заключить суперсделку с одним немецким предприятием. Специальные вакуумные контейнеры для перевозки радиоактивных материалов для медицинских целей. Тут очень много связано с техникой. Это все может принести кучу денег, но во всем этом совсем не разбираюсь. Они связали меня с одним английским ученым, чтобы тот проверил

контейнеры. Но проблема в том, что англичанин запросил много денег за услуги, и я не знаю, можно ли ему доверять. Я боюсь, он как-то сам связан с этими немцами.

– Может быть, я смогу помочь, – сказал Халим.

– Спасибо, но ведь мне нужен ученый, который смог бы проверить эти контейнеры.

– А я и есть ученый, – ответил Халим.

Донован удивленно посмотрел на него и заметил: – Что ты имеешь в виду? Я думал, ты только учишься?

– Я должен был сказать так вначале. Но на самом деле я ученый, присланный из Ирака для проведения специального проекта. Я уверен, что смог бы тебе помочь.

Ран позднее говорил, что когда, наконец, Халим открыто сказал о своей профессии, то он почувствовал себя так, будто из него высосали всю кровь, наполнили вены льдом, закупили и закачали затем кипятик. Получилось! Но Ран не мог выдавать своего воодушевления. Он сохранял спокойствие.

– Послушай, я встречаюсь в субботу с этой бандой в Амстердаме. Выехать нужно за день или два, но как насчет того, чтобы отправить тебя субботним утром туда на нашем самолете?»

Халим согласился.

– Ты не пожалеешь, – сказал Донован. – Можно заработать кучу денег, если здесь нет ничего незаконного».

Реактивный самолет, на котором срочно нарисовали эмблему фирмы Донована, был «Лирджет», специально для этого прилетевший из Израиля. Бюро в Амстердаме принадлежало богатому поставщику-еврею. Ран не хотел переезжать границу вместе с Халимом, чтобы тот не заметил его настоящие документы, а не фальшивый британский паспорт. Таким методом всегда стараются пользоваться при пересечении границы – во избежание возможного разоблачения.

Когда Халим приехал в амстердамское бюро на лимузине, забравшем его в аэропорту, все остальные уже были на месте. Оба коммерсанта были Итцик Э., «катса» Моссад, и Бенджамин Гольдштейн, израильский атомщик с немецким паспортом. Он принес один вакуумный контейнер в качестве образца, чтобы Халим осмотрел его.

После нескольких вступительных слов Ран и Итцик покинули помещение, якобы для урегулирования финансовых вопросов. А оба ученых должны были обсудить техническую сторону дела. Общие интересы и знания быстро вызвали обоюдную симпатию. Гольдштейн спросил Халима, откуда тот так хорошо разбирается в атомной промышленности. Это был выстрел наугад, но Халим, совсем забыв об осторожности, рассказал ему о своей работе.

Позже, когда Гольдштейн доложил Итцику о признании Халима, было решено пригласить ничего неподозревающего иракца на обед. Рану пришлось придумать повод, чтобы на этом обеде не присутствовать.

За обедом оба мужчины рассказали Халиму о плане, над которым они уже давно работают – продавать атомные установки в страны Третьего мира – конечно, в мирных целях.

– Ваш атомный проект был бы для нас превосходным образцом, чтобы продавать нашу технику этим людям, – сказал Итцик. – Если ты нам смог бы дать деталей, пару планов или что-то в этом роде, мы могли бы заработать целое состояние. Но все должно остаться между нами. Мы не хотим, чтобы Донован узнал об этом, а то потребует своей доли. У нас есть контакты, а у тебя – «ноу-хау». А он нам на самом деле не нужен.

– Ну, я неуверен, – ответил Халим. – Донован всегда был честен со мной. И не, ну как сказать, не опасно ли все это?

– Нет. Никакой опасности, – сказал Итцик. – У тебя ведь совершенно нормальный доступ к этим вещам. А мы хотим использовать это лишь как модель, не более того. Мы хорошо тебе заплатим, и никто ничего не узнает. Ну, как? Такие вещи ведь делаются уже давно.

– Я тоже так думаю, – заметил Халим, все еще колеблясь, но соблазненный перспективой хороших денег. – Но что будет с Донованом? Я не хотел бы работать за его спиной.

– Ты думаешь, что знаешь обо всех его делах? Забудь. Он никогда об этом не узнает. Ты можешь оставаться другом Донована и заниматься бизнесом с нами. Мы ему точно ничего не скажем, иначе он захочет тоже получить свою долю».

Теперь Халим действительно был в ловушке. Возможность разбогатеть возбуждала его. Он доверял Гольдштейну, к тому же не было похоже на то, что он поможет этим людям смастерить атомную бомбу. А Доновану действительно не стоило бы об этом знать. Почему бы и нет? – подумал он.

Так Халим был официально завербован. И, как и многие другие завербованные агенты, он этого так и не узнал.

Донован дал Халиму за помощь при экспертизе контейнеров 8000 долларов, а на следующий день, после дорогого обеда и развлечения с проституткой в его комнате, счастливый иракец частным самолетом вернулся в Париж.

В этот момент Доновану следовало бы исчезнуть со сцены, избавив Халима от трудной ситуации, в которой тому приходилось бы что-то скрывать от друга. Он на некоторое время уехал, оставив Халиму телефон в Лондоне на случай необходимости. Донован сказал, что у него бизнес в Англии, и он не знает, как долго он там задержится.

Через два дня Халим встретился со своими новыми партнерами в Париже. Итцик, более напористый, нежели Донован, хотел получить план иракского атомного объекта со всеми деталями: месторасположение, мощности и точный график строительства. Халим сначала согласился без возражений. Оба израильтянина быстро объяснили ему, как копировать документы методом «бумага-бумага» – с помощью специальной бумаги. Ее кладут на документ и прижимают книгой или чем-то подобным на несколько часов. Изображение с документа переходит на бумагу. Бумага внешне остается совершенно белой, но при проявлении показывает зеркальное отражение документа.

Когда Итцик потребовал от Халима очередной порции информации, после того, как он каждый раз хорошо эту информацию оплачивал, иракец выказал так называемую «реакцию шпиона». Его бросало то в жар, то в холод, повысилась температура, бессонница и беспокойство – реальные физические симптомы вследствие страха разоблачения. Чем больше делаешь, тем сильнее боишься последствий.

Что делать? Единственное, что взбрело Халиму в голову – позвонить Доновану, своему старому другу. Он точно посоветовал бы что-нибудь. Он ведь знает людей на высоких и таинственных постах.

– Ты должен мне помочь, – взмолился Халим. – У меня проблема, но я не могу рассказать о ней по телефону. Мне тяжело. Мне нужна твоя помощь.

– Для того ведь и нужны друзья, – успокоил его Донован и сообщил, что через два дня прилетит из Лондона и встретится с ним в «люксе» «Софителя».

– Меня обвели вокруг пальца» – скулил Халим и сознался в «тайной» сделке, заключенной им с немецким предприятием в Амстердаме. – Мне очень жаль. Ты был таким хорошим другом. Но деньги соблазнили меня. Моя жена всегда требовала, чтобы я приносил больше денег, чтобы я делал карьеру. Я просто увидел в этом свой шанс. Я был так эгоистичен и так глуп. Прости меня, пожалуйста. Мне нужна твоя помощь.

Донован великодушно все простил и ответил Халиму: «Так часто бывает в бизнесе». Но выразил подозрение, что немцы на самом деле могут быть агентами ЦРУ. Халима как будто ударило громом.

– Я дал им все, что было у меня, – сказал он, к большой радости Рана. – Но они требуют еще и еще.

– Дай подумать, – сказал Донован. – Я знаю там нескольких человек. Ты не первый тип, ослепленный деньгами. Пока мы включимся в это дело. Пусть это пойдет и нам на пользу. Часто такие штуки оказываются не такими страшными, как на первый взгляд».

Этой ночью Донован и Халим поехали в город поесть и выпить. Затем Донован снова снял для него проститутку. «Она успокоит твои нервы».

Так и вышло. Прошло лишь пять месяцев с начала операции. Очень высокий темп для таких дел. Но так как на карту было поставлено слишком много, такой темп считался необходимым. А сейчас нужна была осторожность. С Халимом следовало обращаться бережно, потому что он был напряжен и испуган.

После жарких дебатов на конспиративной квартире было принято решение о новой встрече Рана с Халимом. Ран должен был сказать ему, что все это – операция ЦРУ.

– Они меня повесят, – кричал Халим. – Они меня повесят.

– Нет, не повесят. Ты же не на израильтян работал. Все не так уж плохо. И вообще, кто об этом узнает? У меня с ними договор. Им нужна еще только одна информация, и они оставят тебя в покое.

– Что? Что я должен еще им дать?

– Ну, я ничего в этом не понимаю, в отличие от тебя, – сказал Донован и вытащил из кармана бумагу. – Вот, смотри. Они хотят узнать, как отреагирует Ирак, если французы вместо обогащенного ядерного топлива дадут им замену, как там она называется, а, «карамель». Скажи им, и они не будут больше к тебе приставать. Они не заинтересованы, чтобы с тобой что-то случилось. Им только нужны сведения.

Халим ответил, что Ирак хочет получить обогащенный уран, но, как бы то ни было: через несколько дней приезжает Яхья эль Мешад, родившийся в Египте физик, для проверки проекта. Он будет решать такие вопросы для Ирака.

– Ты встретишься с ним? – спросил Донован.

– Да, он будет встречаться со всеми, кто задействован в проекте.

– Здорово. Тогда ты, возможно, получишь эту информацию, и все твои страхи будут позади.

Халим выглядел несколько облегчено и внезапно заторопился покинуть Донована. Теперь у него были деньги, и он сам снял для себя проститутку, подружку Мари-Клод Магаль. Эта женщина думала, что передает свои сведения местной полиции, а на самом деле получала легкие деньги от Моссад. Когда Халим сказал Магаль, что хотел бы стать ее постоянным клиентом, та, по предложению Донована, предложила вместо себя свою подругу.

Теперь Донован настоял на том, чтобы Халим для иракского гостя Мешада устроил обед в ресторане, куда «случайно» пришел бы и сам Донован.

В назначенный вечер Халим, изобразив притворное удивление, представил египтянину своего друга Донована. Осторожный Мешад, однако, просто поздоровался и предложил Халиму вернуться за их столик, как только Халим окончит беседу со своим другом. Халим слишком нервничал, чтобы даже поверхностно затронуть с Мешадом тему «карамели». А ученый не проявлял никакого интереса к объяснениям Халима, что-де его друг Донован может купить почти все, что его заинтересует.

Поздно вечером Халим позвонил Доновану и сообщил, что ему не удалось вытянуть хоть что-то из Мешада. Следующим вечером, при встрече с Донованом в его «люксе», тот успокоил Халима, заявив, что ЦРУ было бы довольно и тем, если бы он сообщил им дату отправки материала из Сарселя в Ирак. А потом его оставят в покое.

В это время Моссад уже узнал от «белого» агента, работавшего в министерстве финансов Франции, что Ирак не согласен с заменой урана в качестве топлива иным материалом. Но Мешад, как ответственный за весь атомный проект Ирака, мог бы стать полезным агентом. Лишь бы была возможность выйти на него...

Замира вернулась из Ирака и увидела, как изменился Халим. Он утверждал, что его повысили и подняли зарплату. Он стал более романтичным и начал приглашать ее в рестораны. Они даже собрались купить машину.

Хотя Халим был блестящим ученым, он не был умен с точки зрения здравого смысла. Однажды ночью, вскоре после ее возвращения, он рассказал жене о своем друге Доноване и своих проблемах с ЦРУ. Она рассердилась. Больше того – просто впад в ярость, она дважды прокричала, что, может быть, за всем этим стоит не ЦРУ, а израильская разведка.

– Зачем это нужно американцам? – рыдала она. – Кто, кроме израильтян и проклятой дочери моей матери начал бы с тобой разговаривать?

Собственно, она вовсе не была глупа.

Водители обоих грузовиков, которые 5 апреля 1979 года рано утром везли реактивные двигатели для истребителей «Мираж» с завода фирмы «Дассо-Бреге» в ангар в Сейн-сюр-Мер, городе на французской Ривьере близ Тулона, не заподозрили ничего, когда к ним по дороге присоединился третий грузовик.

В современном варианте Троянского коня израильтяне разместили команду из пяти агентов «Невиот» и одного атомного физика, все в обычной дорожной одежде, в большом металлическом контейнере и присоединились к конвою в качестве третьей машины. Их информация базировалась на данных Халима. Они знали, что охрана всегда более бдительна при вывозе, чем при поставке. Возможно, конвой пропустят вообще без проверки. По крайней мере, израильтяне рассчитывали на это. Физик специально прилетел из Израиля, чтобы посмотреть, где именно нужно установить взрывчатку на сердечниках реактора, хранящихся на складе, над которыми работали три года подряд, чтобы вызвать наибольшие разрушения.

Один из охранников был новичком, лишь два дня на новой работе, но у него были такие дипломы и рекомендации, что никто не заподозрил бы его в краже ключа, открывающего часть склада, где ожидало своего скорого вывоза в Ирак атомное оборудование.

Согласно инструкциям физика, израильская диверсионная группа привезла пять порций пластиковой взрывчатки и установила их на самых чувствительных местах реакторного блока.

Внимание охраны у ворот внезапно привлек к себе случай на улице: очевидно, там молодую красивую пешеходку зацепил автомобиль. Она, вроде бы, серьезно не пострадала. В любом случае, не пострадала ее голосовая связка, ибо на голову обескураженного водителя обрушились страшные ругательства.

Постепенно собралась небольшая кучка людей, среди них – диверсанты Моссад, которые перелезли через ограду и подбежали к переднему входу. Они сначала внимательно рассмотрели толпу, чтобы убедиться, вышли ли все французские охранники из опасной зоны. Затем с помощью специального устройства они поставили на боевой взвод взрыватели. Взрыв разрушил реакторный блок на 60 % и принес ущерб в 23 миллиона долларов. Иракские планы затянулись на несколько месяцев. Удивительно, но добрая часть оставшегося материала в ангаре совсем не пострадала от взрыва.

Услышав глухой взрыв за спиной, охранники сразу же бросились к наполовину разрушенному складу. За это время тихо испарился замешанный в «аварию» автомобиль, а диверсанты и пострадавшая женщина, хорошо подготовленные в своем деле, так же тихо исчезли в близлежащих переулках.

Миссия увенчалась полным успехом. Планам Ирака был нанесен существенный ущерб, а у Саддама Хуссейна возникли большие проблемы.

Организация защитников окружающей среды под названием «Группа французских экологов», ранее совершенно неизвестная, взяла на себя ответственность за взрыв, что, правда, совершенно исключалось французской полицией. Но так как сама полиция ничего не сообщала о своем расследовании, газеты стали выдвигать самые разнообразные версии. «Франс Суар», например, считала, что полиция подозревает в диверсии «ультралевых», а «Ле Матен»

утверждала, что сделали все это палестинцы по заказу Ливии, зато еженедельник «Ле Пуан» указывал на ФБР.

Некоторые другие газеты обвиняли Моссад, но представитель израильского правительства отверг эти обвинения как «антисемитские».

Халим и Замира после потрясающего ужина в бистро на левом берегу Сены вернулись домой уже после полуночи. Халим включил радио, чтобы послушать музыку и развеяться перед сном. Но вместо этого он услышал сообщение о взрыве близ Тулона. Его охватила паника.

Он бегал по квартире, разбрасывал по сторонам вещи и кричал какую-то чепуху.

– Что с тобой? – спросила Замира. – Ты сошел с ума?

– Они взорвали реактор, – прорычал он. – Они его взорвали! Теперь они прикончат меня!

Он набрал номер Донована.

Через час старый друг позвонил ему в ответ.

– Только не делай глупостей, – посоветовал он. – Никто не свяжет взрыв с тобой. Приходи завтра вечером ко мне в номер.

Халим все еще трясся, когда направился в гости к Доновану. Он не спал, не брился и выглядел очень плохо.

– Теперь меня повесят иракцы, – простонал он. – Или передадут меня французам, а те положат меня под гильотину.

– Но при чем здесь ты? – ответил Донован. – Подумай. Ни у кого нет никаких оснований, чтобы в чем-то тебя упрекнуть.

– Это ужасно. Ужасно. Могут ли израильтяне стоять за всем этим? Замира думает, что это именно они. Может так быть?

– Ну, хватит, соберись, наконец. О чем ты говоришь? Люди, с которыми я имею дело, не сделали бы такого. Может, это связано с промышленным шпионажем. В этих отраслях всегда много конкурентов. Ты сам мне так говорил.

Халим ответил, что хочет вернуться в Ирак. Его жена тоже намеревается вернуться, а он достаточно долго проработал в Париже. Он не хотел бы больше попасться на глаза этим людям. В Багдад они точно за ним не последуют.

Донован надеялся развеять подозрения Халима об израильском следе и развивал гипотезу промышленного шпионажа. Потом он сказал Халиму, что если тот хочет начать новую жизнь, он мог бы обратиться к израильтянам. Сделал он это по двум причинам: во-первых, таким образом, Донован мог еще больше дистанцироваться от израильтян, а во-вторых, так можно было бы завербовать Халима напрямую.

– Они заплатят. Достанут тебе новые документы и защитят тебя. Им очень хотелось бы знать об атомном объекте все то, что знаешь ты.

– Нет, я не могу, – ответил Халим. – Не с ними. Я лучше вернусь домой.

Так он и сделал.

Мешад оставался проблемой. Он был одним из немногих видных арабских ученых в области ядерных исследований и в близком контакте с высшими иракскими военными и чиновниками, потому для Моссад представлял особую ценность. Его хотели завербовать напрямую. Ведь, несмотря на недобровольную помощь Халима, многие ключевые вопросы все еще оставались без ответа.

7 июня 1980 года Мешад в очередной раз поехал в Париж, в этот раз, чтобы объявить окончательное решение в связи с соглашением. Посещая фабрику в Сарселе, он заявил французским ученым: «Мы изменим лицо арабской мировой истории». А именно этого и боялся Израиль. Израильтяне перехватили французские телексы о маршрутах поездок Мешада и об его месте проживания (номер 9041 в «Меридьен-Отель»). Потому им легко удалось установить подслушивающую аппаратуру в гостиничном номере.

Мешад родился 11 января 1932 года в Банхаме, Египет. Он был блестящим серьезным ученым. Его толстые черные волосы уже начинали редеть. В паспорте была указана его профессия – профессор атомной физики Александрийского университета.

Позднее его жена Замуба в интервью египетским газетам сообщила, что она с тремя детьми (две девочки и мальчик) собирались улететь в отпуск в Каир. Она говорила, что ее муж даже уже купил авиабилеты, когда ему вдруг позвонил чиновник из Сарселя. Она услышала: «Почему именно я? Я могу послать эксперта». Она заметила, что Мешад вдруг занервничал и рассердился, и подумала, что во французском правительстве сидит израильский агент, который готовит ловушку для ее мужа. «Это было опасно. Конечно. Он всегда мне говорил, что продолжит выполнение своего задания – конструирование бомбы, даже с риском для своей жизни».

Официальное сообщение французских властей средствам массовой информации гласило, что в лифте к Мешаду обратилась проститутка, когда он грозовым днем 13 июня 1980 г. в 19.00 возвращался в свой номер на девятом этаже. Моссад знал, что Мешад любит экстремальный секс, особенно садомазохистский, и его регулярно обслуживает проститутка по прозвищу Мари Экспресс. Ей поручили прийти в отель примерно в половине девятого вечера. Настоящее имя ее было Мари-Клод Магаль, женщина, которую вначале Ран направлял к Халиму. Хотя она уже довольно долго работала на Моссад, Мари не догадывалась, кем были на самом деле ее заказчики. Ее это и не интересовало, пока они платили деньги.

Было известно, что Мешад крепкий орешек, не такой податливый, как Халим. А так как он оставался в Париже лишь несколько дней, было принято решение обратиться к нему напрямую. «Если он согласится, он завербован. Если нет, он мертв», – пояснил резидент Арбель.

Он не согласился.

Йегуда Гил, «катса», знавший арабский язык, подошел к двери Мешада незадолго до появления Магаль. Мешад открыл дверь лишь, чтобы увидеть, кто там, но не снял цепочку. Он прошептал: «Кто Вы? Что Вам нужно?»

– Я здесь по поручению правительства, которое готово заплатить много денег за Ваши ответы, – сказал Гил.

– Убирайся, собака, или я вызову полицию, – воскликнул в ответ Мешад.

И Гил исчез. Он сразу же вылетел в Израиль, таким образом, его никак нельзя было заподозрить в причастности к делу Мешада. Мешада ожидала другая судьба.

Моссад не убивает людей, кроме тех случаев, если у них кровь на руках. А у этого человека на руках могла бы быть кровь израильских детей, если бы он продолжил работу над проектом. Зачем же ждать?

Израильская разведка ждала ровно столько, сколько потребовалось Магаль, чтобы развлечь Мешада и через несколько часов уйти. Он должен умереть тихо и счастливо – таково было объяснение.

Когда Мешад уснул, двое мужчин с помощью дубликата ключа открыли комнату и перерезали ему горло. Его окровавленное тело нашла горничная на следующее утро.

Французская полиция заявила, что убийство совершил профессиональный киллер. Ничего не было украдено. Ни деньги, ни документы. Нашли только испачканное губной помадой полотенце на полу в ванной.

Магаль была шокирована, услышав об убийстве. Ведь Мешад был еще жив, когда она ушла от него. С одной стороны, для самозащиты, а с другой, потому что ее саму подозревали, она добровольно пошла в полицию и заявила, что Мешад был разъярен в момент ее прихода – из-за каких-то людей, обратившихся к нему с предложением о покупке информации.

Магаль рассказала это и своей подруге, бывшей «подружке» Халима, которая, в свою очередь, ничего не подозревая, сообщила обо всем контактеру Моссад.

Поздним вечером 12 июня 1980 года Магаль работала на бульваре Сен-Жермен, когда на углу остановился черный «Мерседес», и человек в нем жестом подозвал ее.

В этом не было ничего необычного. Но пока она договаривалась с «клиентом», из-за угла выскочил второй черный «Мерседес» и на огромной скорости понесся вниз по улице. Как раз в нужный момент водитель первой машины сильно толкнул Магаль, так, что она отлетела прямо под мчащийся автомобиль. Она погибла мгновенно. Обе машины растворились в ночи.

Хотя оба – и Мешад и Магаль – были убиты Моссад, внутренние процессы, предшествующие их смертям, проходили совершенно по-разному.

Сначала Магаль. Сомнения относительно ее личности подверглись обсуждению в штабе в Тель-Авиве, когда были дешифрованы и проанализированы различные сообщения из Парижа. Тогда стало совершенно ясно, что она пошла в полицию, а это могло бы привести к весьма серьезным проблемам.

Эта оценка дальше была направлена по инстанциям вверх, возможно вплоть до стола шефа Моссад, где и было принято решение, «вывести ее из игры».

Ее убийство попадало под категорию «оперативной необходимости», которая возникает при ситуациях, связанных с проведением операций и требует достаточно быстрого решения.

Приказ же на устранение Мешада основывался на сверхсекретной внутренней системе принятия таких решений. В подобном процессе используется формальный «Список приговоренных к казни лиц», требующий личного одобрения со стороны премьер-министра Израиля.

Число фамилий в списке постоянно и резко меняется, от 1–2 – до сотни, в зависимости от масштаба антиизраильских действий.

Просьба внести кого-либо в «Список приговоренных к казни лиц» исходит от шефа Моссад и направляется премьер-министру. Предположим, был совершен теракт против израильской цели, причем жертвой необязательно был еврей. Например, взрыв бомбы в бюро авиакомпании «Эль-Аль» в Риме, при котором погиб один итальянец. Но и такой теракт считается нападением на Израиль, ведь его цель – запугать людей, чтобы они не летали на самолетах израильской авиакомпании «Эль-Аль».

Затем предположим, что Моссад точно знает виновного – Ахмед Гибриль приказал и/или осуществил теракт. В этот момент Моссад называет имя Гибриля премьеру, а тот сообщает о нем особой юридической комиссии. Она настолько секретна, что даже Верховный суд Израиля не имеет о ней ни малейшего понятия.

Это военный трибунал, который судит обвиняемых террористов без их присутствия. Он состоит из разведчиков, военных и чиновников министерства юстиции. Слушания, похожие на обычные судебные заседания, проходят в разных местах, часто на частных квартирах. Как состав трибунала, так и место проведения заседаний меняется в каждом отдельном случае.

На каждое дело назначаются два адвоката. Один из них представляет интересы государства или обвинения, а другой осуществляет защиту, хотя сам обвиняемый ничего о таком «суде» не знает. На основе доказательств суд решает, виновен ли обвиняемый – в данном случае Ахмед Гибриль. Если его признают виновным, как обычно и бывает на этой стадии, «трибунал» может принять одно из двух решений: либо тайно вывезти человека в Израиль и судить его обычным судом, либо, если это слишком опасно или невозможно, казнить его за рубежом при первой подвернувшейся возможности.

Но перед ликвидацией премьер-министр должен подписать приказ о казни. На практике разные премьеры поступали по-разному. Многие подписывали документ заранее. Другие пытались разобраться, не приведет ли покушение в данной ситуации к внешнеполитическим проблемам.

В любом случае, одной из первых обязанностей каждого нового израильского премьер-министра является изучение «Списка приговоренных к казни лиц» и решение по подтверждению или отмене казни каждого конкретного человека в этом списке.

7 июня 1981 года, в 16 часов, в ясное, солнечное воскресенье группа из двух дюжин истребителей американского производства F-15 и F-16 поднялась с авиабазы Беэр-Шева (а не из Эйлата, как позднее писали газеты – Эйлат находится в зоне действия иорданского радара). Они отправились в опасный 90-минутный, более чем тысячекилометровый полет над вражеской территорией, по направлению к Тувейте на окраине Багдада, чтобы сравнить с землей иракский атомный реактор.

Их сопровождал самолет, выглядевший как грузовая машина «Аэр-Лингус» (ирландцы часто сдавали в аренду арабам самолеты своей авиакомпании, потому и этот не должен был вызвать подозрений). На самом деле это был израильский самолет-заправщик на базе «Боинга-707». Истребители шли в сомкнутом боевом порядке чуть выше «Боинга» и прямо над ним, так что все это выглядело как один гражданский самолет, летящий по гражданскому коридору. Самолеты летели «молча», не ведя радиопереговоров, но получали сообщения от самолета радиорелейной связи и радиоэлектронной борьбы («Backup-Electronic – Warfare & Communication»), в задачу которого входило также создание помех радарам противника.

Где-то на половине пути, уже над иракской территорией, «Боинг» провел дозаправку истребителей. (На обратный полет без дозаправки топлива бы не хватило, а заправляться после атаки было опасно – вдруг будет погоня!) После заправки авиатанкер развернулся и в сопровождении двух истребителей перелетел Сирию в северо-западном направлении и приземлился на Кипре, как самый обычный гражданский самолет. Оба истребителя сопровождали «Боинг» лишь пока он не покинул вражеское воздушное пространство, а затем вернулись на свою базу в Беэр-Шеве.

За это время оставшиеся истребители-бомбардировщики продолжали полет. Они были вооружены ракетами «Сайдуиндер», бомбами и 2000-фунтовыми бомбами с лазерным наведением, которые наводятся прямо в цель с помощью лазерного луча.

Благодаря сведениям, которыми в свое время израильтян снабдил еще Халим, они знали, куда им нужно бить, чтобы нанести самый большой ущерб. Основная задача заключалась в том, чтобы разрушить купол в центре объекта. Вблизи атомного центра спрятался с ракетой в руках еще один израильский разведчик. Его радиостанция передавала на определенной частоте сильные сигналы для наведения истребителей на цель.

В основном, существуют две возможности поиска цели. Прежде всего – увидеть ее. Но при скорости полета свыше 1400 км/ч для этого нужно очень хорошо знать местность, особенно если цель сравнительно невелика. Нужно ориентироваться по ландшафту, а для этого территория должна быть очень знакома, чтобы определить ориентиры. Но – неудивительно – у израильтян не было возможности проводить над Багдадом учебные полеты своих военных летчиков. Хотя они дома потренировались на модели атомного центра, прежде чем лететь на настоящую атаку.

Второй метод нахождения цели заключается в использовании пеленгатора, спрятанного вблизи объекта. У установки припрятали одно такое устройство, но на всякий случай – для полной гарантии – попросили французского техника Дамьена Шаспье спрятать и в самом здании чемоданчик с прибором радионаводки. По непонятным причинам француз замешкался внутри и оказался единственной жертвой необычного авианалета.

Влетев в воздушное пространство Ирака в 18.30, самолеты с полета на низкой высоте (чтобы обмануть локаторы), при котором они могли видеть работающих на полях иракских крестьян, незадолго до цели поднялись на высоту 700 метров. Набор высоты был таким быстрым, что радар противника упустил цель, а заходящее солнце позади самолетов ослепило

иракские расчеты зенитных пушек. Затем истребители так быстро снизились, один за другим, что иракцы успели сделать из своих пушек только несколько безвредных выстрелов. Но они не запустили ни одной зенитной ракеты, и ни один иракский самолет-перехватчик не поднялся в небо, когда атакующие самолеты повернули на обратный курс и на большой высоте кратчайшим маршрутом – над Иорданией – вернулись домой. Они оставили за собой разбитую вдребезги мечту Саддама Хуссейна об Ираке – атомной державе.

Сама реакторная установка была полностью разрушена. Огромная куполообразная крыша сорвалась с фундамента, а усиленные боковые стены развалились. Два других больших строения, важные для работы реактора, были серьезно повреждены. Сделанная израильскими летчиками видеосъемка, позднее предъявленная комиссии Кнессета, показывала, как развалилось ядро реактора, а его куски упали в охлаждающий бассейн.

Премьер-министр Менахем Бегин планировал вначале налет на конец апреля, поскольку, по сведениям Моссад, реактор должен был заработать 1 июля. Но он отложил атаку после того, как в газетах появилось высказывание бывшего министра обороны Эзера Вейцмана о том, что Бегин «готовит авантюрную операцию, чтобы улучшить свои шансы на грядущих выборах».

Другая дата операции, 10 мая, ровно за семь недель до парламентских выборов в Израиле 30 июня, тоже была перенесена, потому что Шимон Перес, лидер Партии труда, послал Бегину «личную» и «строго секретную» записку. В ней он просил Бегина отказаться от нападения, поскольку сведения Моссад «нереалистичны». Перес предсказывал, что атака изолирует Израиль, «как дерево в пустыне».

Через три часа после взлета истребители без потерь вернулись на базу. Два часа подряд премьер-министр Бегин со всем своим кабинетом в своем доме на улице Смоленскина ждал доклада.

Чуть раньше семи часов вечера генерал Рафаэль Эйтан, главнокомандующий израильской армией, позвонил Бегину и сообщил об успехе миссии, (последняя ее стадия называлась операцией «Вавилон») и добавил, что все люди в безопасности.

Бегин ответил: «Барух хашем», т. е. «Слава Богу».

Спонтанная реакция Саддама Хуссейна так и не стала известна публике.

Часть первая

Кадет-16

Глава 1

Вербовка

В конце апреля 1979 года (я как раз вернулся в Тель-Авив из двухдневной служебной командировки на подводную лодку) мой флотский командир вручил мне приказ прибыть на встречу на военную базу Шалишут на окраине Рамт-Гана, пригорода Тель-Авива.

В то время я был капитаном третьего ранга и руководил отделом испытаний военноморских вооружений в штабе ВМС в Тель-Авиве.

Я родился 28 ноября 1949 года в канадском Эдмонтоне, провинция Альберта. Родители развелись, когда я был еще совсем ребенком. Во время войны мой отец служил в Королевских канадских ВВС и на бомбардировщике «Ланкастер» совершил множество боевых вылетов для бомбардировки Германии. После войны он добровольцем участвовал в израильской Войне за независимость: он был командиром авиабазы Седе-Дов на северной окраине Тель-Авива.

Моя мать тоже послужила своей стране во время войны. Она была водителем грузовика и доставляла грузы для англичан из Тель-Авива в Каир. Затем принимала участие в израильском движении сопротивления «Хагана». По профессии учительница, она позднее переехала со мной в канадский город Лондон в провинции Онтарио, затем ненадолго в Монреаль, и, наконец, когда мне исполнилось шесть лет, выехала в Израиль и поселилась в Холоне, городе близ Тель-Авива. А отец переехал из Канады в США.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.